

Особенности адаптации русских существительных *pluralia tantum* в коми-пермяцком языке

Галина Александровна Некрасова

*Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения РАН,
Сыктывкар, Россия*

Введение. В коми-пермяцком языкознании недостаточно разработанными остаются вопросы, связанные с функционированием и степенью адаптации иноязычных слов. Цель исследования – выявить и описать особенности фонетического и грамматического освоения заимствованных русских существительных *pluralia tantum* в коми-пермяцком языке.

Материалы и методы. Источником материала исследования послужили тексты различных периодов и жанров, включенные в состав Корпуса коми-пермяцкого языка. Работа выполнена в русле системно-описательного метода лингвистики, для определения количественного соотношения вариантов слов был применен метод сплошной выборки.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье представлены результаты исследования русских заимствований *pluralia tantum* с точки зрения фонетической и грамматической адаптации. Определены характерные особенности фонетического освоения заимствований: усвоение слова без изменений, усечение конечного гласного слова и замена отдельных звуков в соответствии с фонетическими особенностями коми-пермяцкого языка. В письменной форме языка наблюдается выравнивание существительных по признаку грамматического числа, а также калькирование исходных свойств субстантивов *pluralia tantum*. В зависимости от степени грамматической адаптации существительные охарактеризованы как адаптированные, неадаптированные и частично адаптированные. Выявлены семантически тождественные фонетические и грамматические варианты слов, определены основные причины их появления.

Заключение. Сделанные автором выводы вносят вклад в изучение закономерностей и типов адаптации иноязычного лексического материала в коми-пермяцком языке.

Ключевые слова: финно-угорские языки, коми-пермяцкий язык, лексикология, морфология, заимствование, существительное, вариантность, *pluralia tantum*

Финансирование: публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР Института языка, литературы и истории ФИЦ КНЦ УрО РАН «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Некрасова Г. А. Особенности адаптации русских существительных *pluralia tantum* в коми-пермяцком языке // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 2. С. 136–145. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.136-145>

Введение

Языковые контакты являются одним из основных факторов развития языка. Как отмечал Б. А. Серебренников, они могут привести «к различного рода заимствованиям, к конвергентному развитию взаимодействующих языков; <...> к образованию вспомогательных “общих” языков, <...> к языковой ассимиляции» [1, с. 99]. Важность изучения языковых контактов и их результатов, по его мнению, обуславливается тем, что

оно может раскрыть особенности языковой системы. Изучение заимствований приобретает особую актуальность в случае, если язык-источник и язык-реципиент типологически различаются, заимствуются языковые элементы, свойства которых не характерны для языка-реципиента. В этом отношении интерес представляют особенности адаптации заимствованных существительных *pluralia tantum* в коми-пермяцком языке.

Обзор литературы

Для финно-угорского языкознания изучение языковых контактов и иноязычной лексики является традиционным и актуальным. Проведены специальные исследования на материале коми-зырянского¹ [2], удмуртского², марийского [3; 4], мордовских [5], прибалтийско-финских [6; 7], обско-угорских³ [8] языков. Внимание в трудах уделяется преимущественно результатам воздействия русского языка на лексический состав: исследуются пути и время проникновения иноязычных слов в язык; семантическое, фонетическое и морфологическое освоение заимствований.

Должного системного освещения до сих пор не получила заимствованная лексика коми-пермяцкого языка. Иноязычные слова частично описывались в связи с изучением формирования и развития лексического состава литературного языка⁴ и отдельного диалекта [9–12]. Основные особенности фонетической, акцентологической и морфологической адаптации русских заимствований кратко отражены в работе Р. М. Баталовой⁵. Заимствования из русского языка изучались при разработке отдельных лексико-тематических групп, а именно лексики флоры и фауны⁶ [13], традиционного костюма [14], терминов родства и свойства⁷, наименований блюд и продуктов питания [15]. Установлено, что большинство заимствованных слов, особенно позднего периода, сохранили исходную семантику – они употребляются в том же значении, что и в языке-источнике. Семантическая структура ряда заимствований претерпела изменения: при сохранении формы слова наблюдается сужение, расширение или смешение значений. Недоста-

точно разработанными остаются вопросы, связанные с функционированием и степенью освоенности иноязычных слов.

Теоретическую базу настоящего исследования составили труды ведущих отечественных лингвистов по проблемам языковых контактов и процесса заимствования иноязычной лексики [16–18], вариантности в языке [19], исторической фонетики русского [20] и пермских языков [21; 22].

Материал и методы

Источником материала исследования послужили тексты различных периодов и жанров, включенные в состав Корпуса коми-пермяцкого языка (далее – ККПЯ)⁸. Работа выполнена в русле системно-описательного метода лингвистики, для определения количественного соотношения вариантов слов был применен метод сплошной выборки. При подсчете не учитывались данные переводных текстов, так как язык оригинала может влиять на выбор варианта слова, его грамматическое оформление.

Результаты исследования и их обсуждение

Слово, перенесенное из одного языка в другой, подвергается адаптации на всех языковых уровнях: происходит его приспособление в графическом, фонетическом, грамматическом и семантическом отношении к системе принимающего его языка [17; 23]. В коми-пермяцком языке большинство заимствованных слов, в том числе и существительные *pluralia tantum*, сохраняют исходную семантику. Интерес представляют особенности адаптации заимствований на фонетическом и грамматическом уровнях.

¹ Игушев Е. А. Русские заимствования в ижемском диалекте коми языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1973.

² Насибуллин Р. Ш. Русские заимствования в удмуртском языке: (дооктябр. период) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 1999.

³ Новьохова Н. В. Заимствованная лексика хантыйского языка: на материале казымского диалекта : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

⁴ Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология / Под ред. В. И. Лыткина. Кудымкар, 1962. (далее – КПЯ).

⁵ Баталова Р. М. Краткий справочник по заимствованным словам и диалектной лексике коми-пермяцкого языка (в помощь учителю). Кудымкар, 1962.

⁶ Меркушева Т. Н. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка : дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2003.

⁷ Утева Л. В. Термины родства, свойства и неродственных отношений в коми-пермяцком языке : дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2015.

⁸ <http://www.komicorpora.ru> (дата обращения: 20.01.2024).

Фонетическая адаптация существительных *pluralia tantum*. При фонетической адаптации изменяется звуковой состав заимствованного слова, чаще всего несвойственный языку-реципиенту элемент заменяется соответствующим ему элементом фонетической системы принимающего языка. В русских заимствованиях, вошедших в коми-пермяцкий язык, изменению подвергаются преимущественно звуки *ф, х, ц, щ*, на месте которых появляются звуки *п, к, ч, ш*. Несвойственный русскому языку звук *ö* может заменять русское *о*, реже – другой звук. Изменение *о* в *ö* в непервых слогах слов объясняется особенностями дистрибуции гласных коми-пермяцкого языка: в прапермском и пракоми языках за пределами первого слога употреблялись только краткие неогубленные гласные [21; 24].

Заимствованные существительные *pluralia tantum* в зависимости от проявления и характера изменений их структуры можно распределить по трем группам.

В первую группу входят существительные с сохранением внешнего облика слова, без фонетических и структурных изменений, например: *белила, выжимки, высевки* ‘остатки от просеянного’, *ошурки* ‘выжимки тертого картофеля’, *сливки, спагетти, дрожжи, духи, джунгли, бигуди, ворота, леса* ‘леса (подмостки)’, *перила, часы, счеты, дровни, бродни, брыжжи* ‘оборка’, *кандалы, отпки* ‘изношенные, стоптанные сапоги, башмаки’, *брюки, очки, кудри, сутки, пожитки, клещи, тиски* и др.

К этой группе относятся также существительные с финалью *-а*, заимствованные из севернорусских говоров. Примеры: кп.⁹ *веса* ‘весы’, *козла* ‘козлы для пилки дров’, *консерва* ‘консервы’, *носилка* ‘носилки’, *нара* ‘нары’. Ср. рус. *Козла*, мн. 1. Козлы для пилки дров. Пошех.-Волод. Яросл.¹⁰; *носила*, мн. Род носилок для переноски сена и соломы в виде двух гладких жердей, заостренных с концов и не скрепленных между собой. Каргоп. Арх.¹¹. Как отмечено в исследова-

ниях по истории русского языка, флексия *-а* изначально не употреблялась в именительном падеже множественного числа. Она была показателем двойственного числа, с утратой которого началось распространение флексии *-а* на месте флексий *-и, -ы* у существительных мужского рода именительного падежа множественного числа¹² [20, с. 267–407].

Вторую группу образуют существительные с апокопой, т. е. слова с усечением конечного гласного, реже обнаруживается усечение сочетания согласного и гласного в ауслaute слова. Примеры: *алимент* ‘алименты’, *аплодисмент* ‘аплодисменты’, *выбор* ‘выборы’, *каникул* ‘каникулы’, *кадр* ‘кадры’, *джинс* ‘джинсы’, *кальсон* ‘кальсоны’, *макарон* ‘макаронны’, *отруб* ‘отруби’, *шаровар* ‘шаровары’, *шорт* ‘шорты’, *шахмат* ‘шахматы’, *наручник* ‘наручники’, *полать* ‘полати’, *розваль* ‘розвальни’. Процесс усечения конечного гласного слова, начавшийся в прапермском языке, продолжился в период самостоятельного развития коми языка [21, с. 184–188; 25, с. 54–55]. Он охватил часть исконной и заимствованной лексики. Тенденция усечения конечного гласного субстантивной основы сохраняется, на что указывают поздние русские заимствования, например *джинс* ‘джинсы’, *шорт* ‘шорты’.

Третью группу составляют единичные существительные, в структуре которых произошли изменения, обусловленные различием фонетической структуры русского и коми-пермяцкого языков, а также закономерностями употребления звуков в структуре слова (об огласовке корня и суффиксов в коми-пермяцком языке¹³). Появление звука *ö* можно обнаружить в словах *пачёс* ‘пачеси (вторые вычески льна, конопли после чесания)’ и *пöлать* ‘полати’. Ср. рус. *Пачесы*, мн. Волокно льна, конопли после второго или третьего чесания; вторые вычески льна, пеньки¹⁴; *полати*, мн. Полка возле печи для посуды, продуктов, вещей и т. п., и др. значения¹⁵. В слове *кусака* ‘кусачки, щипцы’ произошло изменение фрикативного

⁹ кп. – коми-пермяцкий язык; рус. – русский язык.

¹⁰ Словарь русских народных говоров. Вып. 14. Кобзарик – Корточки. Л., 1978. С. 66.

¹¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 21. Негораздый – Обвива. Л., 1986. С. 286–287.

¹² Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981. С. 200–212; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990. С. 267; 275.

¹³ КПА. С. 78–79.

согласного *x* на смычный согласный *k*. Ср. рус. *Кусахи*, мн. Щипцы-кусачки для железа¹⁴. В современном коми-пермяцком языке многие слова, вошедшие из русского языка, сохраняют исходную фонетику, например: *клещи, духи, химия, физика, циркуль*.

Следует особо отметить случаи функционирования вариантов заимствованных слов. В письменном языке, по материалам ККПЯ, обнаружены варианты следующих слов: *нар* и *нара* ‘нары’, *кандала* и *кандалы* ‘кандалы’, *пöлать* и *полать* ‘полати’.

Появление вариантов *нар* и *нара*, вероятно, можно объяснить разным ареалом заимствования. Слово *нара* зафиксировано в текстах писателей, родным для которых является диалект северного (Т. Фадеев, С. Федосеев) или южного (В. Климов, В. Баталов) наречия. В письменный язык оно могло войти из кудымкарско-иньвенского диалекта, который лег в основу литературного языка. Слово *нар* используется в языке писателей, родным для которых является один из диалектов северного наречия (Т. Фадеев, И. Минин, В. Исаев, Л. Нилогов). Примеры:

Нар: Мыдзувья водис детинаыс нар вылö шоччисьышитны, да сідз и онмöссис казавтöг (И. Минин «Ва увтын пос», 1970) ‘Устав, детина лёг на нары отдохнуть, да так и незаметно уснул’; *Чорыт наррес вылын куйлытöн, Ильинов горöн видчышитис ас кежас* (Т. Фадеев «Прошинаын тулыс», 1987) ‘Лёжа на твердых нарах, Ильинов громко поругался про себя’.

Нара: Узи ме гор бокрын, нараэзöн моз тэчöм потишез вылын. (Т. Фадеев «Тöдись» // Иньва, 1976) ‘Спал я возле печки, на жердях, сложенных в нары’; *Босьти ме Егорись учöтик чероксö, нара увтись кыска зыр* (В. Климов «Лöз йöрнös», 1992) ‘Взял я маленький топорик Егора, из-под нар достаю лопату’; – *Петю, петав жö татчö, – кытсöвтис менö Егорыс, көр ме воді ни нараэз вылö* (В. Климов «Лöз йöрнös», 1992) ‘– Петенька, выйди же сюда, – окликнул меня Егор, когда я уже лег на нары’.

Из вариантов *кандала* и *кандалы* количественное преимущество в текстах корпуса

имеет слово *кандала* (в ККПЯ обнаружено 16 примеров). Например: *Эшö рытнас жольöтис сія аслас кандалазöн заплөддэз коласö гарйöм пыдын ямаын, а асывнас валяйтчисö сэтöн только көрт торрез – вына каторжанин жугодöм кандалазсö лэчыт дора галяөн* (И. Минин «Чöвпас мыс дын», 1962) ‘Ещё вечером он звенел своими кандалами в глубокой яме, выкопанной между заплотами, а утром там валялись только куски железа – сильный каторжанин разрубил кандалы камнем с острыми краями’. Слово *кандалы* (в ККПЯ обнаружено 2 примера) зафиксировано в языке переводной литературы середины XX в. и в языке социальных сетей («ВКонтакте») XXI в. В данном случае имеет место, с одной стороны, заимствование слова из письменного русского языка, с другой – поздний период его заимствования. Например: *Этö и вичкуэз, и святöй местаэз, и сибирскöй тракт, кыт көркö кандалыэзын оськалісö узниккез, көднö нöбöтисö Сибирьö каторга вылö* (А. М. Старцева «Коми-пермяцкöй паломниккез вöлісö Верхотурьелöн, Екатеринбурглöн, Нижний Тагиллöн вичкуэзын») ‘Это и церкви, и святые места, и сибирский тракт, по которому когда-то в кандалах шагали узники, которых отправили в Сибирь на каторгу’; *Нія кышалісö сы вылö кандалыэз да йöртісö клеткаö.* (Б. С. Житков «Рассказзэз», 1949; перевод Н. А. Спорова, Ф. С. Яркова) ‘Они надели на него кандалы и поместили в камеру’.

Варианты *пöлать* и *полать* ‘полати’ употребляются параллельно в художественных и фольклорных текстах, а также в языке переводной литературы и социальных сетей. В количественном отношении в ККПЯ преобладает вариант *полать*; ср. *полать* встречается 156 раз, *пöлать* – 74. Параллельное использование вариантов обнаружено в текстах одного и того же автора. Примеры: *Пиля Олөш кайис пöлатьö, мыйкö гусьöн бобгис сэтчин, баутис аскөттяс* (В. Баталов «Зэр одзын», 1990) ‘Пиля Алёш поднялся на полати, что-то там тихонько бормотал, разговаривал сам с собой’; *Узис Андрей*

¹⁴ Словарь русских народных говоров. Вып. 25. Отчурить – Первачок. 14 Л., 1990. С. 299–300.

¹⁵ Словарь русских народных говоров. Вып. 29. Покорочеть – Попритчиться. Л., 1995. С. 36.

¹⁶ Словарь русских народных говоров. Вып. 16. Куделя – Лесной. Л., 1980. С. 156.

местаын полатын (В. Баталов «Зэр одзын», 1990) ‘Спал он на полатях, на месте Андрея’. Более ранним является, скорее, вариант *пöлать*, который зафиксирован в лексикографических источниках XIX в., а именно в «Словаре русско-пермяцком» из Усолья, составленном неизвестным автором: *Палати Пöлатьезь*¹⁷; в «Пермяцко-русском и русско-пермяцком словаре» Н. А. Рогова, вышедшем в Санкт-Петербурге в 1869: *пoлати с., пöватј, пöлатј* юж.¹⁸

Грамматическая адаптация существительных pluralia tantum. Известно, что при переходе из одного языка в другой заимствованная лексема, как правило, начинает функционировать по законам принимающего языка, изменяться по нетипичным для нее словоизменительным моделям. Она «постепенно утрачивает исходные грамматические свойства категории языка-источника и включается в морфологическую систему заимствующего языка, приобретая соответствующие грамматические категории языка-реципиента» [26, с. 71]. Существительные *pluralia tantum* – это слова, употребляемые только во множественном числе. В современном коми-пермяцком языке категория числа представлена формами единственного и множественного (показатель *-ез/-эз*, реже *-ес/-эс*) числа. Выбор числовой формы существительных обусловлен выражением значения количества – «один» или «больше одного» (о формах показателя множественного числа¹⁹). В период общего для всех финно-угорских языков праязыкового состояния форма единственного числа использовалась весьма широко; существительных, которые употреблялись бы только в форме множественного числа, не было. Праязыковые особенности использования форм числа сохраняются в ряде современных языков: в форме единственного числа могут быть субстантивы, выражающие более чем один предмет, а именно слова, обозначающие парные и сложные групповые части тела и соответствующие им парные части одежды; названия плодов, цветов, животных [27]. Материал ККПЯ не может дать достоверное представление о степени грамматической

адаптации всех существительных *pluralia tantum* ввиду того, что некоторые из них в корпусе представлены крайне редко. Тем не менее, обнаруженные примеры демонстрируют разную степень их адаптации, в зависимости от которой они могут быть разделены на три группы.

Первую группу образуют грамматически адаптированные существительные. Эта группа представлена в основном существительными, обозначающими вещества или результаты действия. По своим грамматическим свойствам они не имеют формы множественного числа, употребляются только в единственном числе (*высевки* ‘остатки от просеянного’, *ошурки* ‘выжимки тертого картофеля’, *сливки*, *чернила*, *белила*, *пачос* ‘пачеси’, *спагетти*, *дрожжи*, *рожки*). Примеры: *Ыдэжыт кусоккезöн пондiс курччавны дрозжисö да кылöтны вайн* (В. Кольчурин «Медбөрья греххез», 2002) ‘Он начал откусывать большими кусками дрожжи и запивать водой’. Единичные исключения можно обнаружить в языке переводной литературы, например: *Ния кажитчисö почти голубийезöн, кыз йöв, кöда вылись босьтисö сливкизö* (В. Катаев «Полклөн зон», 1947; перевод З. А. Тетюевой) ‘Они казались почти голубыми, как молоко, с которого сняли сливки’; *Чöскытöн вачкö нырö шоныт заваритöм высевкиззянь* (Г. Скребицкий «Менам челядькадса друггез», 1954; перевод А. Т. Климовой) ‘От теплых заваренных высевок шел ароматный запах’. Существительные, обозначающие предметы, не имеют ограничений в образовании форм числа. В форме единственного и множественного числа они противопоставлены по выражению количества предметов: *дровни* ‘одни дровни’ – *дровниэз* ‘много дровней’, *розваль* ‘розвальни’ – *розваллез* ‘много розвальней’ и др. Примеры: *Телегаэзным абу, дровниöн эд он мун* (И. Минин «Паныт уйс төлiс», 1968) ‘Телег нет, а на дровнях ведь не поедешь’; *Шором дынö кольтаэсö кыскалiсö дортöм дровниззын да аскерöм телегаэзын* (И. Минин «Оча морос», 1988) ‘К скирде снопы возили на дровнях без отводов и на самодельных телегах’.

¹⁷ Словарь русско-пермяцкий. Усолье, 1848. С. 52.

¹⁸ Рогов Н. А. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб., 1869. С. 328.

¹⁹ ККПЯ. С. 181.

Вторую группу составляют грамматически неадаптированные существительные, функционирующие в коми-пермяцком языке, по материалам корпуса, только во множественном числе: *аплодисменттэз* ‘аплодисменты’, *выборрез* ‘выборы’, *макароннэз* ‘макаронны’, *мемуаррез* ‘мемуары’, *шорттэз* ‘шорты’, *джинссэз* ‘джинсы’, *кальсоннэз* ‘кальсоны’, *каникуллэз* ‘каникулы’, *шахматтэз* ‘шахматы’, *наушниккэз* ‘наушники’. Примеры: *Рабочёйез пьд рытёдз орсисё шахматтэзён, доминоён, лыддьётисё книгаэз да журналлэз* (В. Баталов «Шыньял ёвр», 1986) ‘Рабочие до позднего вечера играли в шахматы, домино, читали книги и журналы’; *Чулалис гожум, ётлайн сыкёт чулалисё и каникуллэз* (Т. Фадеев «Олём лун», 1991) ‘Прошло лето, вместе с ним и каникулы’.

Третья группа включает существительные, которые можно назвать частично адаптированными, т. е. слово во множественном числе параллельно со словом в единственном числе может обозначать, что предмет представлен в количестве, равном одному. В ККПЯ зафиксированы грамматические варианты существительных, среди которых имеются те, которые употребляются преимущественно в форме множественного числа, например слова, обозначающие парные предметы и предметы, состоящие из двух и более частей: *бродни, брюки, очки, отопки* ‘изношенные, стоптанные сапоги, башмаки’, *кудри*; ср. количественное соотношение вариантов некоторых слов: *очкиэз* – 17, *очкиэс* – 50, *очки* – 5; *кудриэз* – 67, *кудри* – 3; *брюкиэз* – 32, *брюки* – 9; *носилкаэз* – 17, *носилка* – 7; *бродниэз* – 3, *бродни* – 1. Примеры: *Егор чеччис, зэгнитис паськыт гимнастёрка, дернитис вывланьё брюкиэз, буржыка зёлётис ремень* (Л. Нилогов «Егор-артиллерист». Иньва, 1995) ‘Егор встал, поправил широкую гимнастёрку, дёрнул вверх брюки, поправил ремень’; – *Ой-ой-ой! Брюкитё, брюкитё кыдз нёитёмат!* – *одзлань баитис женщиныаыс* (С. Антонов «Мишкалён каша да мёдик рассказэз», 1955; перевод З. А. Тетюевой) ‘– Ой-ой-ой! Брюки-то, брюки-то как помял! – продолжила женщина’; *Дзик виль костюма морт, кёдалён ыджыт стеклоа очки* (В. Климов «Шорок», 1994)

‘Человек, у которого очки с широкими стеклами, в совершенно новом костюме’; *Ся ёбра видзётис очкиэс пьрийёт и очкиэстёз* (В. Климов «Лёз ёёрнёс», 1992) ‘Он снова посмотрел сквозь очки и без очков’.

Другая часть существительных при указании на единичный предмет употребляется главным образом в форме единственного числа, например *часы*; ср. соотношение числовых форм этого существительного: *часы* – 271, *часыэз* – 76, *часыэс* – 17. Примеры: *Павел дзар керыитис аслас часыэз вылё* (Т. Фадеев «Олём лун», 1991) ‘Павел посмотрел на свои часы’; *Саймём ёёрын Геня дзарнитис часы вылё* (В. Баталов «Зэр одзын», 1990) ‘Проснувшись, Гена посмотрел на часы’.

Необходимо обратить внимание на примеры, допускающие двоякую интерпретацию. Это наблюдается в тех случаях, когда существительные используются в форме множественного числа. Так, в приведенном ниже примере слово *часыэз* можно интерпретировать как *одни часы* и как *несколько часов*.

Керкуын шы эз ло, только тик-так, тик-так мунисё часыэз (А. Ермаков «Кёмтёг вундём пёд вылёт», 1992) ‘В доме стало тихо, тик-так, тик-так шли часы’.

Наличие грамматических вариантов зачастую создает проблему правильного истолкования грамматического значения слова и смысла конструкции в целом при отсутствии соответствующего контекста. К. С. Горбачевич отмечал, что вариантность средств языкового выражения «становится “избыточной” тогда, когда варианты не имеют никакой особой нагрузки» [19, с. 17]. В коми-пермяцком языке вариант ряда заимствованных из русского языка слов *pluralia tantum* в форме множественного числа семантически и стилистически не отличается от варианта в форме единственного числа, что дает основание считать его избыточным.

Заключение

Русские заимствования *pluralia tantum*, проникнув в коми-пермяцкий язык, подвергаются фонетической и грамматической адаптации. Наблюдается несколько типов их фонетического освоения: усвоение сло-

ва без изменений, усечение конца слова и замена отдельных звуков в соответствии с фонетическими особенностями коми-пермяцкого языка. Варианты языковых единиц, различающиеся формой числа, указывают на сложный процесс грамматической адаптации заимствованных существительных. С одной стороны, наблюдается их выравнивание по признаку грамматического числа, проявляющееся в том, что заимствованные существительные, относящиеся в русском языке к разряду субстантивов *pluralia tantum*, употребляются в коми-пермяцком языке

в единственном и множественном числе. С другой стороны, спорадическое сохранение исходных свойств слова приводит к появлению семантически и грамматически тождественных вариантов слов. Процесс грамматической адаптации заимствований *pluralia tantum* в коми-пермяцком языке протекает более неравномерно и медленно, чем их фонетическая адаптация. Дальнейшее изучение лексических заимствований определяется необходимостью решения вопросов нормирования литературного языка и проблем лексикографического описания заимствованных слов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Общее языкознание: формы существования, функции, история языка / Под ред. Б. А. Серебrenникова. М. : Наука, 1970. 597 с.
- Kalima J. Die Russischen Lehnwörter im Syrjänischen. Helsingfors : Druckerei der Finnischen Litteraturgesellschaft, 1910. 187 s. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia; 29). URL: <https://www.prlib.ru/item/394895?ysclid=lx7njjxwx104257820> (дата обращения: 20.01.2024).
- Саваткова А. А. Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1969. 130 с.
- Сибатрова С. С. Марийско-русские языковые контакты: морфология марийского языка. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2021. 426 с.
- Бутылов Н. В. Иноязычная лексика в мордовских языках (индоевропейские заимствования). Саранск : Красный Октябрь, 2006. 220 с.
- Мызникова Я. В. Русско-прибалтийско-финские языковые контакты и их отражение в области диалектного синтаксиса. СПб. : Нестор-История, 2014. 195 с.
- Oinas F. J. Russian and Eastern Balto-Finnic Linguistic Contacts // American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists. Moscow, September 1958. Mouton, 1958. P. 267–278.
- Kalmán B. Die Russischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1961. 327 p.
- Гайдамашко Р. В., Пономарева Л. Г. Русские заимствования в коми-пермяцком языке рукописей протоиерея Антония Попова 1785 года // Языковые контакты народов Поволжья и Урала : сб. ст. XI Междунар. симпозиума. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 108–112. EDN: **XVTBXV**
- Подюков И. А. Русская диалектная лексика в речи лупинских коми-пермяков // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 3 (19). С. 14–21. EDN: **PDFWPJ**
- Федосеева Е. Н. Русские заимствования в словарном составе северного наречия коми-пермяцкого языка // Пермистика – 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии : мат-лы X Междунар. симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками». Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2009. С. 368–376. URL: <https://eanbur.unatlib.ru/items/999d802e-e601-46b6-9c34-348224ac77e4> (дата обращения: 20.01.2024).
- Федосеева Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. Сыктывкар : Ин-т языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН, 2015. 196 с. URL: <https://illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2014/11/fedoseeva.pdf> (дата обращения: 20.01.2024).
- Пономарева Л. Г., Гайдамашко Р. В. Из наблюдений над названиями ягод в коми-пермяцком языке конца XVIII века (на материале рукописей Антония Попова) // Пермистика 18: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сб. ст. в 2-х ч. Ч. 1. Ижевск : Издательский центр «Удмуртский университет», Институт компьютерных исследований, 2020. С. 162–170. EDN: **UPTCLB**
- Лобанова А. С., Черных А. В. Лексика традиционного костюма в диалектной речи коми-пермяков // Урало-алтайские исследования. 2014. № 3 (14). С. 24–39. EDN: **TFSNPT**
- Зверева Ю. В. Лексика питания в коми-пермяцком языке: заимствования из русских говоров Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 23–33. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2019-2-23-33>
- Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М. : Наука, 1968. 208 с.

17. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 27–34.
18. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. 1972. Вып. 6. С. 61–80. URL: <https://classes.ru/grammar/153.new-in-linguistics-6/source/worddocuments/vi.htm> (дата обращения: 20.01.2024).
19. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка. Л. : Наука, 1978. 238 с.
20. Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М. : Языки славянской культуры, 2004. 656 с. URL: <https://www.klex.ru/1des> (дата обращения: 20.01.2024).
21. Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ижевск : Удм. ун-т, 2004. Ч. 2. 395 с.
22. Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М. : Наука, 1964. 270 с.
23. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. 1972. Вып. 6. С. 344–382. URL: <https://classes.ru/grammar/153.new-in-linguistics-6/source/worddocuments/vi.htm> (дата обращения: 20.01.2024).
24. Rédei K. A permi nyelvek első szótagi magánhangzóinak a történetéhez // Nyelvtudományi Közlemények. 1968. 70 köt. 35–45 old. URL: <https://library.hungaricana.hu/en/view/NyelvtudomanyiKozlemenyek070/?pg=36&layout=s> (дата обращения: 20.01.2024).
25. Некрасова Г. А. Коми кывлӧн историческӧй фонетика. Сыктывкар : КНЦ УрО РАН, 2000. 170 с.
26. Кудряшова Л. В. Процесс заимствования как разновидность языкового контакта // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология. № 4 (36). 2015. С. 66–75. URL: https://izvuz_gn.pnzgu.ru/gn7415 (дата обращения: 20.01.2024).
27. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М. : Наука, 1974. 484 с.

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 09.08.2024; принята к публикации 16.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Г. А. Некрасова – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4995-4772>, kamilang@gmail.com

Adaptive Features of the Russian Noun Pluralia Tantum in the Komi-Permian Language

Galina A. Nekrasova

*Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia*

Introduction. In Komi-Permian linguistics, issues related to the functioning and degree of adaptation of foreign words remain insufficiently developed. The purpose of the work is to identify and describe the features of phonetic and grammatical mastering of borrowed Russian nouns pluralia tantum in the Komi-Permian language.

Materials and Methods. The source of the research material was texts of various periods and genres included in the Corpus of the Komi-Permian language. The work was carried out in line with the system-descriptive method of linguistics. To determine the quantitative ratio of word variants, the continuous sampling method was used.

Results and Discussion. The Russian borrowings pluralia tantum are studied from the point of view of phonetic and grammatical adaptation. Such characteristic features of the phonetic mastering of borrowings are determined as: the assimilation of the word without alteration, the truncation of the final vowel of the word and the replacement of individual sounds in accordance with the phonetic features of the Komi-Permian language. It is shown that in the written form of the language, the use of nouns in the plural and singular, as well as borrowings of the initial properties of the pluralia tantum substantives is observed. Depending on the degree of grammatical adaptation, nouns are characterized as adapted, unadapted and partially adapted. Semantically identical phonetic and grammatical variants of words are revealed, the main reasons for their appearance are determined.

Conclusion. The conclusions made by the author contribute to the study of patterns and types of adaptation of foreign language lexical material in the Komi-Permian language.

Keywords: the Finno-Ugric languages, the Komi-Permian language, lexicology, morphology, borrowing, noun, variation, pluralia tantum

Funding: The publication was prepared within the framework of the planned research topic of the Institute of Language, Literature and History of the FITC KNC Ural Branch of the Russian Academy of Sciences "Permian languages in the linguistic and cultural space of the European North and the Urals" (reg. No. 121042600252-7).

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Nekrasova G.A. Adaptive Features of the Russian Noun Pluralia Tantum in the Komi-Permian Language. *Finno-Ugric World*. 2024;16(2):136–145. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.136-145>

REFERENCES

- [General Linguistics: Forms of Existence, Functions, History of Language]. Moscow; 1970. (In Russ.)
- Kalima J. Die Russischen Lehnwörter im Syrjänischen. Helsingfors; 1910. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia; 29). Available at: <https://www.prlib.ru/item/394895?ysclid=lxt7nijxwx104257820> (accessed 20.01.2024).
- Savatkova A.A. [Russian Borrowings in the Mari Language]. Ioshkar-Ola; 1969. (In Russ.)
- Sibatova S.S. [Mari-Russian Language Contacts: Morphology of the Mari Language]. Ioshkar-Ola; 2021. (In Russ.)
- Butylov N.V. [Foreign Language Vocabulary in the Mordovian Languages (Indo-European Borrowings)]. Saransk; 2006. (In Russ.)
- Myznikova Ya.V. Russian-Balto-Finnic Language Contacts and Their Reflection in the Sphere of Dialect Syntax. Saint-Petersburg; 2014. (In Russ., abstract in Eng.)

7. Oinas F.J. Russian and East Balto-Finnish Linguistic Contacts. In: American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists. Moscow, September 1958. Mouton; 1958.
8. Kalmán B. Die Russischen Lehnwörter im Wogulishchen. Budapest; 1961. 327 p.
9. Gaidamashko R.V., Ponomareva L.G. [Russian Borrowings in the Komi-Permian Language of the Manuscripts of the Archpriest Anthony Popov of 1785]. In: [Language Contacts of the Peoples of the Volga Region and the Urals]: Collected Papers of XI Intern. Symp. Cheboksary; 2018. p. 108–112. (In Russ.) EDN: [XVTBXV](#)
10. Podyukov I.A. Russian Dialect Vocabulary in Lupyinski Komi-Permyak Speech. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2012;(3):14–21. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: [PDFWJ](#)
11. Fedoseeva E.N. [Russian Borrowings in the Vocabulary of the Northern Dialect of the Komi-Permian Language]. In: [Permistics – 10: Questions of Permian and Finno-Ugric Philology: Materials of the X Intern. Symp. “Dialects and History of the Permian languages in Interaction with Other Languages”]. Izhevsk; 2009. p. 368–376. Available at: <https://eanbur.unatlib.ru/items/999d802e-e601-46b6-9c34-348224ac77e4> (accessed 20.01.2024). (In Russ.)
12. Fedoseeva E.N. Vocabulary Northern Dialect of the Komi-Perm Language. Syktyvkar; 2015. Available at: <https://illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2014/11/fedoseeva.pdf> (accessed 20.01.2024). (In Russ.)
13. Ponomareva L.G., Gaidamashko R.V. [From Observations on the Names of Berries in the Komi-Permian Language of the Late XVIII Century (Based on the Material of the Manuscripts of Anthony Popov)]. In: [Permistics 18: Dialects and History of the Permian Languages in Interaction with Other Languages]. P. 1. Izhevsk; 2020. p. 162–170. (In Russ.) EDN: [UPTCLB](#)
14. Lobanova A.S., Chernykh A.V. [The Vocabulary of Traditional Costume in the Dialect Speech of Komi-Permians]. *Ural-Altaic Studies*. 2014;(3):24–39. (In Russ.) EDN: [TFSNPT](#)
15. Zvereva Yu.V. Food Vocabulary in the Komi-Permyak Language: Borrowings from Russian Dialects of the Perm Region. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2019;11(2):23–33. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2019-2-23-33>
16. Krysin L.P. [Foreign Words in Modern Russian]. Moscow; 1968. (In Russ.)
17. Krysin L.P. [Lexical Borrowing and Calculus in the Russian Language of the Last Decades]. *Voprosy Yazykoznanija*. 2002;(6):27–34. (In Russ.)
18. Haugen E. [Language Contact]. *Novoe v Lingvistike*. 1972;(6):61–80. Available at: <https://classes.ru/grammar/153.new-in-linguistics-6/source/worddocuments/vi.htm> (accessed 20.01.2024). (In Russ.)
19. Gorbachevich K.S. [Word Variation and Language Norm: On the Material of the Modern Russian Language]. Leningrad; 1978. (In Russ.)
20. Zhivov V.M. [Essays on the Historical Morphology of the Russian Language of the XVII–XVIII Centuries]. Moscow; 2004. Available at: <https://www.klex.ru/1des> (accessed 20.01.2024). (In Russ.)
21. Kelmakov V.K. [Dialect and Historical Phonetics of the Udmurt Language]. Izhevsk; 2004. P. 2. (In Russ.)
22. Lytkin V.I. [Historical Vocalism of the Permian Languages]. Moscow; 1964. (In Russ.)
23. Haugen E. [The Process of Borrowing]. *Novoe v Lingvistike*. 1972;(6):344–382. Available at: <https://classes.ru/grammar/153.new-in-linguistics-6/source/worddocuments/vi.htm> (accessed 20.01.2024). (In Russ.)
24. Rédei K. A permi nyelvek első szótagi magánhangzóinak a történetéhez // Nyelvtudományi Közlemények. 1968. 70 köt. 35–45 old. Available at: https://library.hungaricana.hu/en/view/NyelvtudomanyiKozlemenyek_070/?pg=36&layout=s (accessed 20.01.2024).
25. Nekrasova G.A. Historical Phonetics of the Komi Language. Syktyvkar; 2000. (In Komi)
26. Kudryashova L.V. [The Process of Borrowing as a Kind of Language Contact]. *Izvestiya Vysshih Uchebnyh Zavedenij. Povolzhskij Region. Gumanitarnye Nauki. Filologiya*. 2015;(4):66–75. Available at: https://izvuz_gn.pnzgu.ru/gn7415 (accessed 20.01.2024). (In Russ.)
27. [Fundamentals of Finno-Ugric Linguistics. Questions of the Origin and Development of the Finno-Ugric Languages]. Moscow; 1974. (In Russ.)

Submitted 09.07.2024; revised 09.08.2024; accepted 16.08.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

G. A. Nekrasova – **Dr.Sci.** (Philol.), Associate Professor, Chief Researcher, Institute of Language, Literature and History Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar 167982, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4995-4772>, komilang@gmail.com